

УДК 398.8

Краюшкина Т.В.

Песенный фольклор Гражданской войны в Приморье: безымянные герои и героизм

Народное творчество – сложное явление, выполняющее эстетическую, дидактическую функции и функцию сохранения исторической памяти. Оно содержит и уникальную традиционную систему представлений конкретного народа о человеке и окружающем мире. Традиционная система представлений, на первый взгляд, воспринимаемая как неизблемое, неизменяемое целое, на самом деле претерпевает изменения под воздействием ряда факторов, в число которых входят и значимые для истории народа события. Одним из них по праву можно считать Гражданскую войну. В её период был сформирован особый пласт песенного фольклора, обнаруживающий и сходства с предшествовавшими по времени возникновения песенными фондами, и отличия от них. Каждый новый этап в развитии народа создаёт своего героя, это находит отражение в устном народном творчестве. Ряд трансформаций коснулся не только образной системы, но и одной из граней традиционных представлений. Речь идёт об изменении представлений о героизме.

Цель данной статьи – выявление специфики системы образов безымянных героев песенного фольклора Гражданской войны, т.е. тех, чьи имена не обозначены, и особенностей изображения героизма, трансформации представлений о нём. В качестве материала послужили 28 песен указанного периода, зафиксированные в Приморском крае в период с 1919 (3 текста – непосредственно в партизанских отрядах в Сучанской долине) по 1976 гг. Песни записывались в гг. Дальнереченске, Партизанске и Спасске-Дальнем, Анучинском, Дальнереченском, Партизанском, Спасском, Шкотовском, Яковлевском районах Приморья. Рассматриваются только тексты, популярные среди представителей Красного движения и их окружения.

Наполнение фонда песенного фольклора Гражданской войны шло несколькими путями. Во-первых, под сильным влиянием сложившейся исторической ситуации переделывались известные ранее народные песни. В анализируемый материал вошли следующие переделки: старых солдатских песен "Кругом леса обошли" (одноимённая народная песня периода Гражданской войны) [2, с. 266] и "Ночки тёмны, тучи грозны" ("Ночи тёмны, тучи грозны") [2, с. 269], старинной казацкой песни "Эх, да вспомним, братцы, мы, кубанцы" ("Эх, да вспомним, хлопцы...") [2, с. 271], песни рекрута "Последний нонешний денёчек" (одноимённая песня), народной песни периода I Мировой войны "Между гор, между Карпатских" ("Вот вдали, в горах Алтая") [2, с. 300] и песни о герое I Мировой войны Василии Рябове ("Красноармеец был герой") [10, с. 169–170].

Во-вторых, яркой чертой позднетрадиционного устного народного творчества является активное вхождение в фольклорный фонд авторских произведений, которые утрачивали авторство, подвергались многократной переработке. Это касается и песенного фольклора Гражданской войны. Некоторые стихотворения, послужившие основами для создания народных произведений, и их авторы известны: стихотворение Георгия Шестакова "Перед наступлением" опубликовано в журнале "Забайкальский железнодорожник" 10 августа 1918 г. (народная песня периода Гражданской войны "На бой за свободу") [2, с. 250], стихотворения Г.Е. Отрепьева "Красный Ермак" ("Гремели пушки, бой кипел") и "Новая колыбельная песня" ("Колыбельная") в книге

© Краюшкина Т.В., 2019

КРАЮШКИНА Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник, заведующая центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: kvtpb@yandex.ru

"Лучи красных дум" (1920 г.) [2, с. 280, 306]. Авторство не всех стихотворений известно, но сохранились сведения о первых публикациях (в газете "Красное знамя" (г. Владивосток) 12 февраля 1920 г. ("Дуют холодные ветры")) [2, с. 275]).

Не только вновь написанные стихотворения, в которых отражены события Гражданской войны, становились источниками для народных песен этого периода. В их числе есть и произведения, созданные в двадцатые годы XIX в. Например, стихотворение Д. В. Веневитинова "Песня грека" (1825 г.) послужило источником для народной песни "Отец мой был природный пахарь", она была привезена на Дальний Восток и в годы Гражданской войны переделана под влиянием новых исторических событий (одноимённая песня). Передким для этого периода явлением можно считать вхождение в песенный фольклорный фонд переводных произведений или отсылку к ним. Такой в приморском устном народном творчестве стала переделка перевода стихотворения Г. Гейне "Гренадеры" (1820 г.) (одноимённая песня) [2, с. 281], в 1846 г. переведённого на русский язык М.Л. Михайловым.

В-третьих, у нескольких песен пока не выявлены источники их возникновения. Можно только предполагать, опираясь на стилистику, не свойственную народной песне, что, например, песня периода I Мировой войны "Ох, лунные ночи, зеркальные воды" (её одноимённая переделка вошла в приморский фольклорный фонд) [2, с. 297] также имеет источником авторское произведение. Неизвестен источник и песни "Партизан Докука", но она была сложена непосредственно в Гражданскую войну. Л.Е. Элиасов писал: "Песня отражает подлинный факт, имевший место в самом конце 1919 г. Партизан Докука вместе со своей женой погиб около дёр. Духовское, входящей в Спасск-Дальний р-н Приморского края. Командир небольшого партизанского отряда Докука отличался храбростью и отвагой, о нем ходили разные легенды" [2, с. 295] (нам в этой песне интересны образы безымянных партизан).

Следует оговориться: в статье будет идти речь не о традиционной системе представлений о героях и героизме на примере обозначенного фольклора, а о совокупной, воспринятой, переработанной и усвоенной (из известного ранее народного песенного фонда, вошедшего из авторского творчества под влиянием сложнейшей исторической ситуации) народом системе представлений. Несмотря на то, что ранее ряд исследователей обращался к анализу песенного творчества периода Гражданской войны ([5, с. 69–72], [7, с. 820], [8, с. 108–111]), но в заявленном аспекте фольклорный материал ещё не изучался. В этом заключается новизна исследования.

Внимания заслуживает статья Л.Е. Фетисовой, рассматривающей особенности исторического периода 1920–1930-х гг. Л.Е. Фетисова говорит о "пантеоне" героев Октябрьской революции и Гражданской войны" [9, с. 250], куда входят Сергей Лазо, Петров-Тетерин, Шевчук. Упоминает исследовательница и о популярной в 1930-е гг. балладе, повествующей о красном и белом родных братьях: "Новая версия сюжета "Авель и Каин" сделала героем старшего брата, сторонника советской власти" [9, с. 253], погибшего от штыка младшего брата-белогвардейца. Привлекает внимание и упоминание о причитании по сыну-партизану (1925 г.): "Сожгли вороги нас, всё разграбили / И тебя, молодого, со свету сгубили..." [9, с. 248]. Эти мотивы – уничтожение родного села и гибели близкого члена семьи – активно реализуются и в исследованном нами песенном фольклоре Приморья.

Обращаясь к песенному и прозаическому фольклору Гражданской войны на Дальнем Востоке, И.А. Дябкин исследует "отражения образов легендарных личностей в народном сознании в ситуации дальневосточного фронта" [4, с. 200]: Колчака, Деникина, генерала Мамонтова, барона Унгерна, Чапаева, но не ставит перед собой цели изучить и образы безымянных героев Гражданской войны.

А.Г. Игумнов, анализируя песни Гражданской войны, записанные в Сибири, отмечает: они "часто определяют время и место действия и придают особое сюжетно-композиционное значение фигурам непосредственных вершителей истории: самому царю, царскому полковнику, майору и проч., с одной стороны, и партизанскому командиру, с другой; показательна в этом плане распространённость среди песен гражданской войны песен, специально по-

свящённых её героям" [5, с. 71]. Таким образом, и этот исследователь обходит вниманием безымянных героев.

Итак, обратимся к непосредственному анализу интересующих нас образов. Прежде всего следует обозначить тех, кто включён в это число, и как именно они характеризуются. Особенностью образного ряда является преобладание группового наименования, стремление к массовости. Всё это яркий признак героя песен Гражданской войны (для сравнения, в казацких и солдатских песнях Приморья преобладает индивидуальный герой, группа встречается редко). Среди них представители третьего сословия (за исключением буржуазии): *рабочие; крестьяне*, ставшие партизанами; *комсомольцы; группа партизан; храбрые партизаны; группа смелых партизан; бойцы народных партизан; ребята-партизаны; наш партизанский отряд; партизанов дружный строй; боевые друзья; хлопцы приморцы; красных роты; наш народ; три товарища, три разведчика*; в их описании превалирует социальная принадлежность, делается акцент на группу, изредка упоминаются личностные характеристики или принадлежность к сильной половине человечества. Реже речь идёт о парных образах (*крестьянин и батрак, русские два гренадера*).

Индивидуальные образы получают не только описание, связанное с социальным статусом (*командир, партизан, солдат, бедняк*), делается акцент на их возрасте, семейном статусе или других положительных характеристиках (*молодой партизан, рабочий богатырь, рабочий сын*), что находится в рамках традиционных представлений об идеальном мужчине (принадлежность к младшему поколению семьи, молодость, физическая сила). Даже сын (упоминаний о дочерях в песнях этого периода не выявлено), именуемый *дитя, крошка*, расценивается матерью как будущий борец за народное дело. В песнях Гражданской войны формируется культ командира, сильной личности, лидера, способного руководить большими группами единомышленников (*командир с красными войсками*). Героизация смерти за народное дело становится идеалом, к которому должен стремиться каждый партизан. Нередки в песнях обращения к врагам, понуждающие их на убийство красных:

Убей же, подлый ты мучитель,
Замучь народного борца,
Изрежь в куски...
Бороться будем до конца [2, с. 242].

Значимой характеристикой исследуемых образов является оценка оппонентов. В наименовании преобладает экспрессия. Очевидно чёткое и однозначное восприятие их как противников, которым нет прощения (*злые люди, злодей, враги, враг, полки подлейцов, подлый ты мучитель, палачи, палачи-наглецы, мирские палачи, воры*). В традиционной культуре врагом именовали нечистую силу, иноплеменников, напавших на родную землю, или потенциальных противников, а также недругов, появившихся в результате испорченных межличностных отношений. Лишь единственный пример в фонде русских пословиц и поговорок, собранных В.И. Далем, говорит о возможной вражде между представителями разных социальных классов ("*Сколько рабов, столько врагов*" [3, с. 454]). В песнях периода Гражданской войны очевидно изменение семантической наполненности наименования *враг*. Это не только иноплеменник или представитель господствующих классов. Присутствует указание на принадлежность к другой социальной группе с негативной оценкой (*буржуи-враги, злодей-толстосум, вампир кровавый – атаман*). Значимо, что принадлежность к противоположному военному лагерю (*белые, белогвардейцы, белые бандиты, беляки, проклятые белые, колчаки-наглецы*) или указание на принадлежность к другим нациям (*интервенты, самураи, распроклятые японцы, япошка*) могут быть как негативно окрашенными, так и нейтральными.

Ещё одним средством характеристики безымянных героев является описание их внешнего облика. Чаще всего речь идёт о телесном образе: в песнях изображаются части их тел, органы и те действия, которые производятся ими или направлены на них. Как правило, всё это связано с военными действиями. Если речь идёт о груди, то это грудь убитого красноармейца, из неё торчит штык, в груди командира зияет *большая рана*. Показательно, что ра-

нение груди не сопровождается болью. Грудь не только связана со смертью, но выполняет и функцию щита: ею *отважно встречают врага*.

Для песен этого периода характерно и описание испытываемой партизанами физической боли: *шумит голова* у смертельно раненого молодого партизана, его *нога свихивается*, в его *плечи* бьют пули, которые он воспринимает как *что-то горячее*. Ещё одним проявлением героизма можно считать следующее: физические мучения, уход из жизни смертельно раненного борца не ассоциируется в песнях с тяжёлыми страданиями – всё это этапы обыденного существования партизан.

Но иначе трактуется полученная во время военных действий увечность. В песнях Гражданской войны оплакивается инвалидность именно молодого бойца. Это горе, которое способны разделить с ним только его родители, именно на них ляжет ответственность за содержание покалеченного сына. Показательно, что в этом случае о товарищах партизанах не говорится (им приписывается лишь функция похорон и быстрого прощания с павшими). Поэтому и важно для сына, который теперь станет обузой, уведомить родителей о своём изменившемся физическом состоянии:

Пусть папа услышит, пусть мама узнает,
Что у сына нет правой ноги [2, с. 191].

Физическая боль известна и здоровому борцу. У партизана, находящегося в окопах, *болят руки и ноги*. При этом *рабочая рука* стирает полки врагов, *за плечами* – ружья. Т.е. в песнях Гражданской войны прослеживается чёткое разграничение: индивидуальный герой и группа как герой получают различное толкование и наполнение образов. Если речь идёт о телесном как индивидуальном проявлении, то части тела связаны преимущественно с ранениями и болью. Когда же говорится об обобщённых частях тела группы, то части тела стабильно ассоциируются с проявлением мощи и физической силы.

Голова и сердце традиционно связаны в русской культуре с эмоциональными переживаниями. *Голову* запрещается *вешать*. Сердцу же приписывается большее разнообразие эмоциональных проявлений: *сердцем* партизан, попавший к интервентам, чувствует, что их пленница, *на позор взята*, его сердце *закипает*, после чего он убивает врагов и спасает девушку; сердце *русского гренадера*, возвращающегося с проигранной войны, *скорбно*, предчувствует скорую смерть, а после сердце умершего становится местом, куда необходимо положить *орден на ленточке красной*. Именно сердце, а не голова, связано с принятием новой идеологии, так акцентируется внимание на эмоциональном, а не рациональном восприятии партизанами происходящего:

Мечты свободы не забыты,
Октябрь горит в сердцах огнём [10, с. 172].

Кроме перечисленных выше, средствами характеристики героев выступают предметные реалии, которыми они пользуются или которые направлены на них. Преимущественно они связаны с военными событиями. Партизанам и их родным от врагов предназначаются *пули; горячие пули; пуля свинцовая; штыки; гранаты; пушки; трещащие пулемёты; вражьи пулемёты; пулемёт; рвущиеся снаряды*:

А на этом же вокзале
Всегда ужас, жуть и стон,
Звон цепей и свист нагаек,
Шомполов и шапек звон [2, с. 242].

Как видно, перечисленные предметные реалии почти лишены эпитетов, а имеющиеся из эпитетов принадлежат, скорее, к сфере реальной жизни, чем традиционной картины мира.

В противовес этому, эпитеты, которые описывают оружие или другие предметные реалии партизан, в большей мере связаны с традиционной картиной мира (прежде всего имеются в виду два традиционных цвета – крас-

ный и золотой). Оружие партизан называется с обозначением цвета, причём традиционная символика красного цвета, связанного у восточных славян с жизнью, Солнцем, плодородием, здоровьем, в песнях Гражданской войны получает уже иное – политическое – наполнение. *Красные штывки* – метонимия воинства, ценность которого заключается именно в наличии оружия. Происходит разделение единой прежде России на части. Показательно, что находящееся за спиной (в традиционной культуре так обозначаются сторонники, принадлежность к единому лагерю, а также то, что необходимо защищать) – красного цвета:

За нами красная Россия,
За нами красные штывки,
И уже в белое Приморье
Вошли советские полки [10, с. 172].

Орден на ленточке красной становится желанной посмертной наградой, о ней мечтает умирающий. *Красное знамя* – награда за спасение жизни раненого командира, её он обещает своим сторонникам. На *красное знамя* все время покушаются белые, его нужно сохранить даже ценой собственной жизни. Вот как выглядит прощание из уст героя, которого вскоре расстреляют:

– Прощайте! Ведут. Моя жизнь молодая
Погибла за счастье, за волю, народ.
Я дрался с врагами, и красное знамя
Не отдал врагу надругаться над ним [2, с. 157].

Реже упоминается золотой цвет: *отточенные сабли золотые, позолоченная трубка* (кстати и она, как и знамя, подарок командира). Впрочем, в песнях Гражданской войны встречаются и описания, связанные с современностью (*боевое ружье, ружья с острыми штывками*), а также лишь перечисление предметных реалий, без их характеристик (винтовки, пулемёты, шпаги, ружье).

Одежда практически не упоминается в песнях, она не является такой ценностью для партизан, как оружие. Ветхая одежда служит своего рода ещё одним отличием от белых, маркёром социальной принадлежности:

Нет на нас серых мундиров,
Кто в чем попало одет,
Без погон не узнать командиров,
Но грозен врагу наш ответ [10, с. 171].

Меньшее количество предметных реалий связано с мирной жизнью, с членами семьи партизана: это *лодочка, стакан вина, накрытый стол, чернила, перо, лист бумаги, письмоце*.

Действия героев в песнях Приморья подразделяются на три категории: что они делают сейчас, что им приказывают делать и что они собираются делать – всё это яркая характеристика образов. В совокупности действия воплощают представления о героизме, присутщем безымянным героям песенного фольклора Гражданской войны.

Самым значимым мотивом является сохранение жизни своих сторонников, информации о них или символа (знамени) своей группы ценой собственной жизни. В этом случае изображается, как герой попадает в трагическую ситуацию, проявляет стойкость и бесстрашно гибнет. Героя ставят перед выбором: сберечь жизнь и получить привилегии (например, *офицерский чин*) или же сохранить жизни своих сотоварищей и погибнуть самому:

А не скажешь – не падим,
Смертной казни предадим.
Красноармеец промолчал –
Штык стальной в груди торчал [10, с. 169].

Так православная идея жертвенной любви ("Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя" (Ин. 15: 13), усвоенная русским народом, изменяется, лишаясь религиозной и наполняясь политической семантикой.

В одной из песен страдания описываются совершенно определённым образом. Очевидна попытка вписать в новые условия известные традиционной культуре модели поведения. Подобно православному мученику, герой не чувствует боли, продолжая отстаивать собственные идеалы:

Борец за правду умирал,
Не слышал он ни пыток, мести,
Он нас бороться призывал [2, с. 242].

Представлена в песне и смерть трёх замученных разведчиков, изрубленные тела которых нашёл их эскадрон. Впрочем, пленение партизана может заканчиваться смертью врагов. Отправляясь в разведку, герой попадает к интервентам и спасает из плена девушку. Этот мотив – спасения девушки из плена – знаком русскому фольклору с давних времён. Например, в балладе "Брат спасает сестру" [6, с. 87–89] говорится о пленении девушки *тремя татарчёнками*, один из них хотел надругаться над девушкой, но она закричала, призывая на помощь брата. Брат убивает трёх татарчёнков, а сестру спасает. Схожая ситуация описывается и в песне периода Гражданской войны:

Закипело ретивое,
Я винтовку крепко сжал, –
Их убито было двое,
Третий раненым лежал [2, с. 195].

В количестве разведчиков в одной песне и врагов в другой очевидно и сохранение элементов традиционной культуры (т.е. сакрального отношения к числу три), и преемственность русской народной песенной традиции.

Если в балладах спаситель всегда возвращает девушку в её семью, то в этой песне девушка сама делает выбор в пользу партизана – просит взять её с собой. Так происходит трансформация сознания: безусловная значимость семьи отходит на задний план, уступая место новым ценностям (борьбе за свободу, праву незамужней женщины самой распоряжаться своей судьбой).

Любопытно чёткое разграничение сфер деятельности. Если в традиционном сознании все мужчины позиционировались защитниками, то в песнях Гражданской войны искажается и эта идея. Чётко прослеживается замена родового доминирующего признака классовым: партизаны – защитники крестьян, рабочие – лишь *проводят* партизан на войну, но сами в боевых действиях не участвуют [10, с. 170]. *Рабочие и крестьяне* не должны бояться, потому что *партизаны избавят от врага* [10, с. 171]. Даже смерть партизан позиционируется прежде всего за представителей классов (*за крестьян, рабочих право*) и только после – за ценности (*за свободу и любовь* [2, с. 242]). Т.е. символически в песнях партизанам приписывается маскулинная функция, а крестьянам и рабочим – феминная.

Обращает на себя внимание такой факт: о защите членов семьи вообще не идёт речи. В анализируемом песенном фольклоре большее внимание уделяется убитым членам семьи, чем живым: о семье вспоминается (и довольно часто) тогда, когда партизану необходимо отомстить за их смерть врагам. Именно старшее поколение семьи несёт ответственность за содержание покалеченного партизана. В песнях этого периода общественные интересы политической группы однозначно ставятся выше личных, в полной мере подменяя собой и интересы Родины.

Другие бытовые действия также становятся сюжетами песен. Среди них описание передвижения партизанских войск, тяжёлая транспортировка раненых, уход за ними, уничтожение врагов совершается *за волю, за свободу*. Показательно, что в паремийном фонде, собранном В.И. Далем, нет ни одной (!) пословицы или поговорки о свободе. Для традиционной культуры характерно представление о воле как об отсутствии зависимости от чего бы то ни было, при этом доля ставится выше воли, неволя же оценивается неоднозначно.

но ("Не в воле счастье, а в доле", "Воля портит, а неволя учит", "Воля губит, а неволя изводит" [3, с. 556]). В песнях Гражданской войны появляется нехарактерное для русской традиционной культуры, заимствованное из Франции, представление о свободе от господствующих классов.

Бой описывается позитивно, победа в целом стоит индивидуальных смертей. Умиравшим обещается вечная память (попытка вписать ещё один элемент православной – чуждой большевикам – культуры в новые условия):

Тебя не забудут народы,
Как ты разгонял бледнолицый туман,
Боролся за дело свободы [2, с. 125].

Меньшее количество сюжетов связано с тем, что партизанам приказывают делать. Это призыв к боевым действиям (*Бейте, бейте, не робейте* [2, с. 87]), команда собраться в определённом месте (*Собирайтесь на сопках, борцы, / Зажигайте вы ночью костры* [2, с. 83]), приказ держать строй, уничтожить *вражьи заслоны*. Наряду с холодным или огнестрельным оружием специфическим средством борьбы выступает традиционная жестикация: партизанам советуется приготовить *палачам кукиши* (это не только знак издёвки и насмешки, в культуре восточных славян кукиш считался средством защиты от нечистой силы). Умиравший вправе просить товарищей отомстить за его гибель [2, с. 201].

В фольклор Гражданской войны вошла и песня, традиционно имеющая отношение к детскому фольклору ("Колыбельная"). Однако в ней изображается ситуация, имеющая отношение к войне: молодая вдова, убаюкивая маленького сына, повествует о трагической гибели его отца и односельчан. Она настолько поддерживает выбор мужа, что не думает о тяжёлой судьбе, которая теперь ждёт её и сына. И.Е. Васильев, анализируя авторскую поэзию Гражданской войны, отмечает: "В условиях этого перехода происходила многомерная трансформация жизненного уклада, ментальных и культурных систем<...>" [1, с. 66]. Это высказывание в полной мере может быть отнесено и к песенному фольклору периода Гражданской войны в Приморье. Борьба за общее дело нивелирует личную трагедию:

Вёл отец большое дело
С белыми в бою,
Дрался он за правду смело,
За судьбу свою.
Да замучил за свободу
Калмыков-палач [2, с. 223-224].

Нова в этой песне установка, которую даёт мать ещё маленькому сыну, на продолжение борьбы, отстаивание интересов народа ценой собственной жизни. Мать заботится не о благополучии сына, оберегании его от опасностей, а о подготовке из него борца за правое дело. Сладкая пора детства, воспеваемая в традиционных народных колыбельных, состоящая их узкого домашнего мирка (кошки в сапожках, курицы в серёжках, дедушки и бабушки) и опасностей, подстерегающих дитя (волчка, стремящегося укусить за бочок) абсолютно чужда "Колыбельной" периода Гражданской войны. Любопытно, что в песне происходит замена образа одного врага (Калмыкова) другим:

"Вырастешь большой ты, крошка,
Бейся до конца,
Если вздумает япошка мучить,
Как отца" [2, с. 224].

Действия, которые партизаны хотят совершить, также связаны с предстоящими боевыми событиями (при этом желанным является полное уничтожение врага):

В бой смертоносный мы дружно пойдём.
 Смелой рабочей рукою своєю
 Полки подлецов с земли мы сотрём [2, с. 32].

Воспеваются отстаивание своих идей (свободы, победы, мести *за крестьянску обиду и честь*, честного выполнения задания) и сохранение локальных позиций (*мы из сопок не уйдём*). Ряд песен повествует о членах семьи во время Гражданской войны. Популярна была на Дальнем Востоке песня "Отец мой был природный пахарь". В ней повествуется о пути в партизаны героя, лишившегося отца (его застрелили) и матери (её сожгли), а затем и сестры (герой спасает её из плена, но во время бегства девушку убивают). При этом акцентируется внимание не на тяжёлом горе героя как члена семьи, а на горе героя как гражданина. Не утрата семьи, а разорение его села становится причиной изменения в мировосприятии героя:

Горит-горит село родное,
 Горит вся родина моя.
 Пойду я в сопки к партизанам,
 Пускай возьмут с собой меня [10, с. 172].

Итак, песенный фольклор Гражданской войны, зафиксированный в Приморье, – явление неоднозначное. В зависимости от способов формирования фонда в текстах выявлен порой противоречивый тип безымянного героя. В его образе сочетаются элементы на первый взгляд, казалось бы, взаимоисключающие друг друга: системы представлений традиционной культуры, предшествующих этапов развития традиционного восточнославянского песенного творчества, авторской русской и западноевропейской поэзии. Индивидуальному герою хотя и приписываются права на человеческие чувства, но им чётко усвоена идея превалирования общественного над частным (в чём можно рассмотреть искажённую идею соборности). Группа безымянных героев представлена иначе: это воплощение силы, неременной победы над классовым врагом. Если индивидуальный герой может быть убит, но не сломлен, то группа героев всегда изображается победителем, ей не свойственны человеческие слабости. Героизм в совокупности находится в зависимости от достижения общей цели – свержения классового врага (в том числе и путём жертвенности). Усвоение политических идей русским народом связано, видимо, с активным наполнением новыми смыслами привычных шаблонов традиционных русских представлений. Новое приживалось не вопреки старому, а благодаря ему.

Литература

1. Васильев И.В. "Коллективные представления" в поэзии Урала периода революции и Гражданской войны (к мифопоэтике сюжета и жанра) // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 (22). С. 66–76.
2. Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / сост. Л. Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1982. 337 с.
3. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 608 с.
4. Дябкин И.А. Фольклорный образ героев Гражданской войны как источник литературной мифологизации (на материале дальневосточного фольклора 20–30-х гг. XX в.) // Лосевские чтения – 2011: мат-лы регион. научно-практ. конф. / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ун-т, 2011. С. 189–200.
5. Игумнов А.Г. Мимесис песен Гражданской войны на фоне предшествующей традиции // Мир Центральной Азии: мат-лы междунар. науч. конф. / отв. ред. Б.В. Базаров. Т. IV. Ч. 2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. С. 69–72.
6. Исторические песни. Баллады / сост., подгот. текстов, вступ. ст., коммент. С.Н. Азбелева. М.: Худож. лит., 1965 с.
7. Карапетян Е.А. Песенное творчество в годы Гражданской войны // Научный журнал КубГАУ. 2016. №120(06). С. 813–822.
8. Орлянский Е.А. Влияние белогвардейской песенной культуры на идейных противников // "Эхо русского народа": отражение истории России XX века в поэтическом и песенном творчестве: материалы IV Междунар. молодёж. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.В. Гермизеева. Омск: ОмГТУ, 2017. С. 108–111.

9. Фетисова Л.Е. Фольклорная культура юга Дальнего Востока СССР 1920–1930-х гг.: традиции и новации // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. ст. / отв. ред. Е.Н. Чернолуцкая. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 247–255.

10. Фольклор Дальнеречья / сост. Л.М. Свиридова. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1986. 288 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vasil'ev I.V. "Kollektivnye predstavleniya" v poezii Urala perioda revolyutsii i Grazhdanskoj vojny (k mifopoehtike syuzheta i zhanra) // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2009. № 1 (22). S. 66–76.

2. Geroicheskaya poezhiya grazhdanskoj vojny v Sibiri / sost. L. E. EHliasov. Novosibirsk: Nauka, 1982. 337 s.

3. Dal' V.I. Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda. M.: Izd-vo EHKSМО-Press, 2000. 608 s.

4. Dyabkin I.A. Fol'klornyj obraz geroev Grazhdanskoj vojny kak istochnik literaturnoj mifologizatsii (na materiale dal'nevostochnogo fol'klora 20–30-kh gg. KHKH v.) // Losevskie chteniya – 2011: mat-ly region. nauchno-prakt. konf. / pod red. A.V. Urmanova. Blagoveshhensk: Blagoveshhenskij gos. ped. un-t, 2011. S. 189–200.

5. Igumnov A.G. Mimesis pesen Grazhdanskoj vojny na fone predshestvuyushhej traditsii // Mir TSENtral'noj Azii: mat-lymezhdunar. nauch. konf. / отв. ред. B.V. Bazarov. T. IV. CH. 2. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2002. S. 69–72.

6. Istoricheskie pesni. Ballady / sost., podgot. tekstov, vstup. st., komment. S.N. Azbeleva. M.: KHudozh. lit., 765 s.

7. Karapetyan E.A. Pesennoe tvorchestvo v gody Grazhdanskoj vojny // Nauchnyj zhurnal KubGAU. 2016. №120(06). S. 813–822.

8. Orlyanskij E.A. Vliyanie belogvardejskoj pesennoj kul'tury na idejnykh protivnikov // "EHkho russkogo naroda": otrazhenie istorii Rossii KHKH veka v poehticheskom i pesennom tvorchestve: materialy IVMezhdunar. molodyozh. nauch.-prakt. konf. / отв. ред. V.V. Germizeeva. Omsk: OmGTU, 2017. S. 108–111.

9. Fetisova L.E. Fol'klornaya kul'tura yuga Dal'nego Vostoka SSSR 1920–1930-kh gg.: traditsii i novatsii // Sovetskij Dal'nij Vostok v stalinskuyu i poststalinskuyu ehpokhi: sb. nauch. st. / отв. ред. E.N. CHernolutskaya. Vladivostok: IIAEH DVO RAN, 2014. S. 247–255.

10. Fol'klor Dal'nerech'ya / sost. L.M. Sviridova. Vladivostok: Izd-vo DVGU, 1986. 288 s.

Краюшкина Т.В. Песенный фольклор Гражданской войны в Приморье: безымянные герои и героизм.

В статье на материале песенного фольклора Гражданской войны, зафиксированного в Приморье в 1919–1976 гг, рассматривается сформированный в новых исторических условиях образ безымянного героя и трансформация представлений о героизме. Выделяются значимые элементы образов героев: наименование героев, оценка оппонентов, описание телесного образа, предметные реалии, действия. Делаются выводы о различной реализации индивидуального героя и группы. Героизм связан с достижением общей цели – свержения классового врага. Усвоение политических идей русским народом сопряжено с активным наполнением привычных шаблонов традиционных русских представлений новыми смыслами.

Ключевые слова: *безымянные герои, героизм, региональный фольклор, восточнославянский фольклор, песенный фольклор, Гражданская война на Дальнем Востоке*

Krayushkina T.V. Song folklore of the Civil War in Primorye: nameless heroes and heroism.

In the article on the material of the song folklore of the Civil War, recorded in Primorye in 1919–1976, the image of the nameless hero formed in the new historical conditions and the transformation of ideas about heroism are considered. The significant elements of the characters' images are distinguished: the name of the characters, the evaluation of opponents, the description of the body image, the subject realities, actions. Conclusions are drawn about the different implementation of the individual hero and group. Heroism is associated with the achievement of a common goal – the overthrow of the class enemy. The assimilation of political ideas by the Russian people is accompanied by the active filling of the usual patterns of traditional Russian ideas with new meanings.

Key words: *nameless heroes, heroism, regional folklore, East Slavic folklore, song folklore, Civil War in the Far East*

Для цитирования: Краюшкина Т.В. Песенный фольклор Гражданской войны в Приморье: безымянные герои и героизм // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 37–46. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/37-46

For citation: Krayushkina T.V. Song folklore of the Civil War in Primorye: nameless heroes and heroism // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 37–46. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/37-46

